

ИСТОРИЯ

А.К. Матвеев

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. ОПЫТ ЛИНГВОЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ I

Степень изученности субстратных географических названий севера Европейской России (далее Севера) в настоящее время такова, что в некоторых случаях уже может позволить не только лингвистические, но и историко-этнографические обобщения, адекватные, разумеется, в той мере, какой обладает субстратная топонимия. Наиболее целесообразен путь составления лингвоэтнической карты, под которой понимается основанная на топонимических данных карта (фактически комплекс карт) расселения древних финно-угорских племен на Севере в дорусский период. В территорию Севера при этом включается Архангельская область без Ненецкого автономного округа и Вологодская область. Некоторые ареалы на крайнем западе региона захватывают также приграничные районы Карелии.

Субстратная топонимия Севера возникла в процессе ряда миграций. Она многослойна, и её стратиграфия устанавливается с большим трудом. В этой статье анализируются только некоторые результаты лингвоэтнического картографирования Севера, связанные прежде всего с трудной проблемой отделения прибалтийско-финских названий от саамских.

Хотя считается, что предшественниками русских на Севере были в основном прибалтийские финны карело-вепского типа, и подтверждение этому видят во множестве прибалтийско-финских заимствований, усвоенных местными русскими говорами¹, саамские топонимы встречаются в регионе так же часто, как и прибалтийско-финские². Это можно объяснить только большой близостью языков, несомненно ещё более значительной в старину, и массовым усвоением прибалтийскими финнами географических названий своих предшественников — саамов. Ещё загадочнее тот факт, что основная масса прибалтийско-финских и саамских названий фиксируется на одной и той же территории в северо-западной половине Севера. Все попытки более или менее точно локализовать ареалы прибалтийско-финских и саамских названий и отделить их друг от друга до сих пор имели только относительный успех. Это связано прежде всего с тем, что как лингвистические, так и исторические обобщения основывались главным образом на использовании формантно-ареального метода, который при всех его достоинствах имеет и очевидные недостатки: неспособен распознавать родственные финно-угорские детерминанты, единообразно передаваемые русским языком, например, -юга “река” может восходить к карел. *jogi*, саам. *jogk*, марийск. *йогы*; не в состоянии различать гомогенные и гетерогенные по структуре названия с одним и тем же детерминантом: в топониме *Чухченема* можно видеть как гетерогенное сложение саам. *чухч* — “глухарь” и приб.-фин. -*нема* “мыс”, так и чисто саамское гомогенное название, поскольку географический термин **тет(а)* восстанавливается для наречий древнего саамского населения Севера; наконец, формантно-ареальный метод бессилен, когда лингвоэтническая картина затемняется ретросубституцией³: в период двуязычия русские, усваивая субстратное на-

¹ См.: Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV. Helsinki, 1919.

² Подробности см.: Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // Вопр. языкознания. 1969. № 5. С. 42–47.

³ Об этом явлении см.: Матвеев А.К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопр. языкознания. 1972. №3. С. 82–83.

звание, иногда «переводили» детерминант, используя ранее заимствованный географический термин, ср., например, *-лахта* из прибалт.-фин. *lahti* «залив» в топониме *Шублахта*, где саамская основа *шуб-* «осина» сочетается либо с прибалтийско-финским, либо с русским детерминантом. Ясно, что картографирование фактов такого рода может привести к противоречивым результатам.

Ранее уже указывалось, что анализ топооснов более плодотворен, чем анализ топоформантов⁴. Это в полной мере относится и к картографированию основ, которые в значительно меньшей степени испытывают на себе влияние со стороны русской адаптации, чем форманты. Но и картографирование основ должно подчиняться определенной методике, и это прежде всего относится к принципам их отбора. Основы должны быть ярко дифференцирующими, предпочтительно со сложной фонетической структурой, то есть типа прибалтийско-финских по происхождению *ихал-* (VCVC-) «красивый», *ранд-* (CVCC-) «берег», *хумал-* (CVCVC-) «хмель» или саамских *нюхч-* (CVCC-) «лебедь», *челм-* (CVCC-) «пролив», желательны высокочастотными, то есть топонимически важными и, главное, с надежными этимологиями. В этом отношении особенно интересны те основы, которые восходят к географическим терминам и семантически точно и регулярно соответствуют реалиям. Так, топонимам с основами *явр-*, *ягр-*, *яхр-* «озеро» на карте всегда соответствуют реки, начинающиеся в озерах или протекающие через них, а во многих случаях и метонимические кальки, то есть названия притоков или участков течения реки типа *Озерная*, *Озеренка* и т.п.⁵ Топонимам с основой *челм-* «пролив» на картах всегда соответствуют реки с разветвленным устьем или многочисленными островами (и, следовательно, протоками), а также озера, состоящие из двух или более плесов, соединенных проливами. Особенный интерес представляют коррелятивные основы, например: *явр-*, *ягр-*, *яхр-* «озеро» или *салм-*, *шальм-*, *челм-* «пролив».

Но даже высокочастотные основы при отборе не следует включать в число картографируемых в случае отсутствия дифференцирующей способности (ср. куз- «ель» и карел. *kuuzi*, саам. *kuossa*, *kuss*, морд. куз «ель») или вероятных изменений на стыке основы и форманта, увеличивающих количество возможных реконструкций основы (ср. *Хаймотка* из *Хаймотка*, *Хайммотка* и *Хайнмотка*). Разумеется, при последовательной «выбраковке» основ могут быть утрачены и некоторые прозрачные названия (*Чухлохта* < *Чухчлохта* «Глухариный залив»), но для достаточно частотных основ с ясно выраженным ареалом такие изъятия не имеют существенного значения.

Иногда даже высокочастотные и надежно этимологизируемые основы приходится исключать из перечня картографируемых из-за совпадений «омонимического» характера. Так, очень распространенную основу *шуб-* «осина» (саам. *suppe*) опасно использовать при лингвостатистическом картографировании⁶ как из-за возможной связи соответствующих топонимов с русским нарицательным *шуба*, а особенно образованными от него антропонимами *Шуба*, *Шубин*, так и русскими диалектными *шубина*, *шубница* «береза с мохнатыми или шероховатыми листьями», засвидетельствованными в архангельских и вологодских говорах Севернорусской топонимической экспедицией Уральского университета. Поэтому в таких названиях, как *Шубняки*, можно видеть и древний субстрат, и чисто русское образование.

Наименования, которые потенциально могут быть отантропонимическими, не говоря уже о явных случаях, должны исключаться из числа картографируемых или специально

⁴ См.: Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопр. языкознания. 1976. №3. С. 59–61.

⁵ Подробнее см.: Матвеев А.К. Топонимические элементы *явр-*, *ягр-*, *яхр-* (озеро) на русском Севере // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1965. №6. С. 17–22.

⁶ Однако не невозможно, но только после установления лингвостатистической зоны (или зон) по более надежным показателям.

⁷ Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 373.

комментировать. Не следует картографировать также топонимы, возможно восходящие к местным географическим терминам (челма “пролив” > Челма).

Ещё несколько предварительных замечаний, относящихся к технике картографирования. Так как названия воспроизводятся на картах, их перечни в тексте не приводятся. При наличии метонимических наименований на карту наносится наиболее употребительное или связанное с наиболее значительным объектом: река *Нюхча* – озеро *Нюхчозеро*, но на карте только *Нюхча*. Повторяющиеся топонимы получают цифровой индекс: *Нюхча I*, *Нюхча II* и т.д.

На карте 1 зафиксированы топонимы с дифференцирующими прибалтийско-финскими основами *vehk-*, *võhk-* (фин., карел. *vehka*, вепс. *vehk* “белокрыльник болотный”, “вахта трилистная”), *gab-*, *hab-*, *hap-* (фин. *haapa*, карел. *hoaba*, вепс. *hab* “осина”), *ixal-* (фин., карел. *ihala*, ливв. *ihalu*, *ihal* “красивый”, “прекрасный”), *must-*, *muзд-* (фин. *musta*, ливв. *mustu*, вепс. *must* “черный”), *rاند-* (фин. *ranta*, карел. *randa*, вепс. *rand* “берег”), *salm-*, *шалм-* (фин. *salmi*, карел. *šalmi*, *salmi*, вепс. *salm* “пролив”), *хиж-*, *хищ-* (фин., карел. *hiisi*, ливв. *hiisi* “злой дух, леший”) и *хумал-* (фин., карел. *humala*, вепс. *humal* “хмель”).

Прибалтийско-финские основы наиболее многочисленны в Восточном Прионежье между рекой Суды и озером Кенозеро, то есть на территории, прилегающей с юго-запада к вепсским поселениям, а западнее Кенозера – к карельским. Здесь не может решаться задача дальнейшей дифференциации картографированной прибалтийско-финской топонимии и соотнесения её с определенными языками, так как для этого необходим более обширный материал. Заметим все-таки, что такие формы с шипящими, как *Хижгора* и *Шалмозеро* в районе Кенозера, указывают на карельское происхождение местной прибалтийско-финской топонимии. Можно высказать также предположение о довольно высокой плотности древнего прибалтийско-финского населения на территории Восточного Прионежья, непосредственно примыкающего к ареалу прибалтийских финнов.

На остальной территории Севера вплоть до Сухоны и Юга прибалтийско-финские основы встречаются разреженно, нигде не образуя сколько-нибудь плотных скоплений, за исключением низовий Онеги, топонимия которых в свое время была уже описана и квалифицирована по своему составу как преимущественно карельская⁸.

Примечательна также очень специфическая зона в верхнем течении Ваги, где зафиксировано шесть названий с основой *ixal-*. Кроме того, три таких топонима засвидетельствовано на Пинеге и по одному в бассейнах Сухоны и Юга. Важское гнездо названий типа *Ихалово*, возможно, имеет отантропонимическое происхождение, но появлению всей совокупности подобных наименований в местах, отдаленных от основной территории расселения прибалтийских финнов, должно быть дано другое объяснение: мигранты отмечали “красивые”, “прекрасные” места в новых землях.

В целом складывается впечатление, что прибалтийские финны достаточно плотно заселили только крайний запад региона до линии Белое озеро – Кенозеро – устье Онеги. В других районах Севера они занимали отдельные участки местности, при этом картографирование выявляет ряд территорий, на которых прибалтийско-финские названия вообще не фиксируются или крайне редки: бассейн Мезени, Пинега от места впадения Суры до устья, Северная Двина от Верхней Тоймы до Холмогор, Емца, среднее и нижнее течение Устья, Кубенское озеро с Кубеной, Сухона и Юг. Редок прибалтийско-финский элемент и в бассейне Онеги (кроме низовий). Можно, таким образом, допустить, что на большей части Севера прибалтийско-финская топонимия представляла собою поверхностное наслоение.

Этот вывод подтверждает и карта 2, на которой показано распространение на Севере названий типа *Ракула* (реже *Ракола*) и производных от них (21 топоним, из которых подав-

⁸ См.: Матвеев А.К. Субстратная топонимия как объект комплексного регионального исследования // Вопр. языкознания. 1989. №1. С. 77–85.

ляющее большинство – ойконимы). Словообразовательный формант *-la* в прибалтийско-финских языках имеет локативное значение и дифференцирует их от саамского, где этот формант отсутствует. Сколько-нибудь убедительной этимологии у ойконимов *Ракула*, *Ракола* нет, однако А.И. Попов, включая их в число прибалтийско-финских названий на *-la*, указывает, что встречающиеся на Севере топонимы этого типа восходят к имени одного из карельских родов – Рокольскому, или Рокольцам, которые неоднократно упоминаются в актах⁹. Распространены эти названия и в более западной, собственно прибалтийско-финской зоне, в частности, деревня *Ракульская* фигурирует в обонежских документах XV–XVI веков¹⁰, а населенный пункт *Rackola* – в шведской поземельной книге северной части Карельского уезда (1618)¹¹.

На карте 2 видно, что топонимы типа *Ракула*, *Ракола* широко распространены на Севере, но и они фактически отсутствуют на правобережье Северной Двины и в бассейне Мезени (озеро *Ракульское IV*, вероятно, вторичное образование от *Ракула III*), а также на Емце, в районе Кубенского озера, на Сухоне, Устье и в других уже названных местах, то есть карта 2 в основном дублирует карту 1. Добавим еще, что деревня *Ракульское* есть и далеко юго-восточнее в Макарьевском районе Костромской области. Возможно, это свидетельство проникновения отдельных групп прибалтийских финнов дальше на юг вплоть до бассейна Волги¹², хотя в данном случае нельзя исключить и перенос названия на русской почве.

Совершенно другие очертания имеет ареал топонимов с дифференцирующими саамскими основами на карте 3: *нюхч-* (саам. *njukčá* “лебедь”), у белозерских саамов *нюкш-*¹³, *чач-* (саам. *časse* “вода”)¹⁴, *чёлм-* (саам. *čoaľme* “пролив”), *чухч-* (саам. *čukča* “глухарь”)¹⁵, у белозерских саамов *чукш-*, *шид-* (саам. *siiddá* “саамское поселение”), *явр-* (саам. *jawre* “озеро”). Прежде всего бросается в глаза, что все саамские основы зафиксированы в той части региона, которая находится севернее линии Водлозеро – устье Моши – устье Паденьги – Нижняя Тойма – верховья Пинегы. Распределены они довольно равномерно, почти не образуя сколько-нибудь значительных лакун, охватывая при этом и крайний северо-восток с бассейном Кулоя и низовьями Мезени, а также бассейн Емцы и низовья Ваги. Небольшие пробелы имеются в низовьях Онеги, в районе Кенозера и к югу от него, на Ваге, а также в некоторых других местах, то есть как раз там, где засвидетельствованы более или менее заметные скопления прибалтийско-финских топонимов. Эти пробелы явно свидетельствуют о том, что по крайней мере в поздний период своего обитания на Севере саамы существовали с прибалтийско-финским населением.

На юго-западе в Белозерье также находим саамскую топонимию с основами *чач-*, *чёлм-*, *шид-* и несколько отличными от северносаамских основами *нюкш-* и *чукш-*. Трудно решается вопрос о названии озера у белозерских саамов, соответствующем северному *явр-* (саам. *jawre*), а также фин. и карел. *järvi*, вепс. *järv* “озеро”, поскольку в топонимии Белозе-

⁹ См.: Попов А.И. Топонимика Белозерского края // Уч. зап. Ленинград. гос. ун-та. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Советское финноугроведение. [Т.] 1. Л., 1948. С. 172. Он же. Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965. С. 45.

¹⁰ Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

¹¹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 379.

¹² О прибалтийско-финском адстрате в топонимии Волго-Двинского междуречья см.: Востриков О.В. Финноугорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979. С. 70–72.

¹³ О соответствии *хч-ки* см.: Матвеев А.К. Топонимические этимологии. IV: Коррелятивные топонимы с интервально-консонантными группами *хч* и *ки* в субстратной топонимии русского Севера // Советское финноугроведение. [Т.] 9. 1973. №1. С. 25–28.

¹⁴ О *ч-сс* см.: Матвеев А.К. Об одной фонетической особенности древних саамских диалектов Заволочья // Études Finno-Ougriennes. [V.] 14. Budapest, 1980. С. 41–43.

¹⁵ Основа *чухч-* не дифференцирует саамский и коми языки ввиду коми *чужчи* “глухарь”, но, поскольку речь идет о противопоставлении прибалтийско-финских и саамских компонентов и сама эта основа вписывается на Севере в саамский ареал, она также была картографирована.

рья встречаются две разновидности этой основы *ярб-* (*Ярбица, Ярбовской ручей, Ярбозеро*)¹⁶ и *яр-* (*Яргора, Ярсоволо*), при этом первая скорее связана с прибалтийскими финнами, а вторая – с саамами. Ввиду проблематичности и невысокой частотности, оба варианта не картографировались. Но все остальные основы ясно указывают на наличие в топонимии Белозерья саамского элемента.

Сравнение карт 1,2,3 приводит к показательному результату. Если прибалтийско-финские топонимы распределены неравномерно и с очень разной степенью плотности, но охватывают чуть ли не весь регион, кроме крайнего северо-востока, то саамские равномерно и примерно с одинаковой плотностью, но зато резко обрываются на уже установленной границе, проходящей по озерам Восточного Прионежья (Кубенское – Воже – Лача) и далее в направлении верховий Пинеги. Граница эта очень четка и свидетельствует о том, что в юго-восточной части региона саамской топонимии нет. Между тем прибалтийско-финские основы прослеживаются и на юго-востоке.

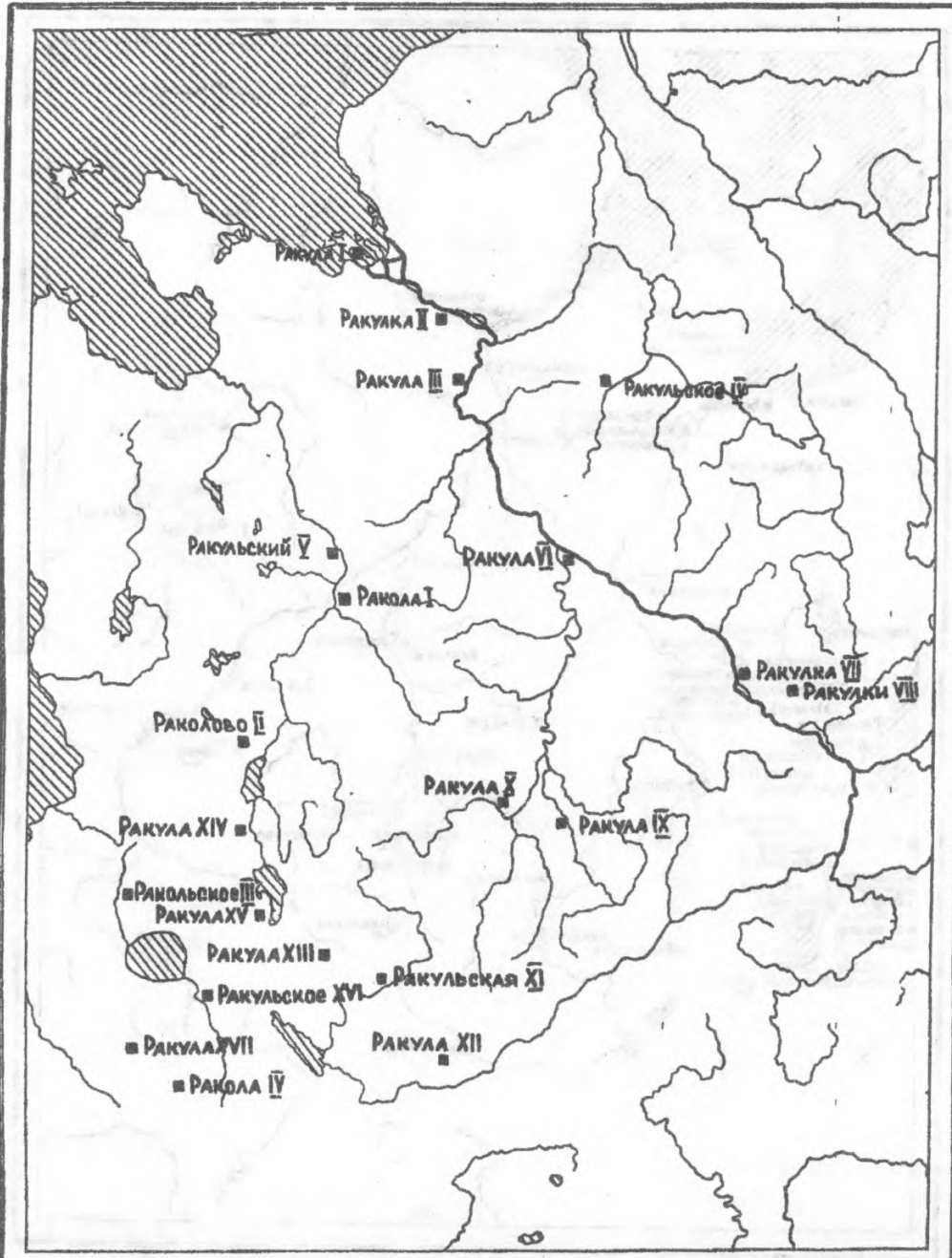
Вопрос о топонимии юго-восточной части Севера и ее лингвотнической интерпретации из-за большой сложности заслуживает особого обсуждения. Ограничимся поэтому только примером, показывающим, что саамская топонимия северо-запада и севернофинские географические названия юго-восточной зоны находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Возьмем топонимически очень важную и высокочастотную основу *ягр-* “озеро”, которая южнее сменяется мерянским эквивалентом *яхр-*¹⁷ (карта 3). Специфичность юго-восточного ареала, условно именуемого севернофинским, и его точная состыковка с северо-западной саамской зоной настолько очевидны, что не нуждаются в каких-либо комментариях. Отсюда следует и основной вывод нашей статьи: главная лингвотническая оппозиция на Севере обусловлена наличием двух значительных этнических общностей – саамской на северо-западе и севернофинской на юго-востоке. Саамские легенды о чуди и войнах с ней позволяют скорее всего именно в этих севернофиннах видеть загадочную Заволочскую Чудь, тем более что саамы в русских памятниках именовались Лопью, а прибалтийские финны Севера своими племенными названиями Весь и Корела. Прибалтийско-финские топонимы на Севере, напротив, не образуют явственной оппозиции ни саамским, ни севернофинским названиям, представляя собой более поздний пласт, что и подтверждается многочисленными диалектными заимствованиями из их языков. Есть все основания думать, что русские контактировали на Севере со всеми этими тремя этническими группами. Западнее, в Карелии, прибалтийским финнам, как известно, предшествовали саамы, но в прионежских районах Карелии и на востоке Ленинградской области в этническом процессе, видимо, принимало участие и севернофинское население. На это указывают, в частности, такие названия в бассейне Свири, как *Ягра, Ягроручей, Ягрема, Ягрозеро*¹⁸. На карте 4 воспроизведены первые результаты лингвотнического картографирования субстратной топонимии Севера.

¹⁶ Основа *ярб-* засвидетельствована и в бассейне Свири – *Ярбозеро, Ярбой*. См.: Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свири). СПб., 1997. С.4, 88.

¹⁷ В многочисленных гидронимах *Яхреньга* логично видеть переработку *Ягреньга > Яхреньга* в результате диссимилиции на русской почве, тем более что в памятниках встречается и форма *Ягренга* (Сборник грамот Коллегии Экономии. Т. 2. Л., 1929. С.783).

¹⁸ Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья. С.4, 6, 59, 102.

Карта 2. Распространение топонима типа *Ракула, Ракола*

